

ПРЯТКИ

Снежные бабы с похмелья покрасили губы,
но женихи опоздали прийти на смотрины.
Нет ничего благородней соломенной шубы,
лучший платок это – драный кусок мешковины.

Лучший подарок для друга – хорошая книга,
если найдешь ее лично на мусорной свалке.
Друг начитался – и вот удавился ханыга
из-за несчастной любви к белокурой хабалке.

Лютый зимы в подворотню въезжают колеса,
кровью сверкают зубцы пролетевших снежинок.
Сяду в прихожей, чтоб самые горькие слезы
падали с длинных ресниц в вислоухий ботинок.

Чтобы уродливый мир пропитался тоскою,
и до подметок покрылся кристаллами соли,
чтобы забыло навеки отродье людское
номер кредитки и кода, ключи и пароли.

В Замоскворечье дворняги совсем оборзели:
рвут на клочки молодого красавца-терьера.
Счастье дождалось, чтоб вы наконец постарели.
И виновато выходит из-за шифоньера.

ХОЛОД

Есть холод неживой, а есть мертворожденный.

Один стоит в домах и у истоков рек.

Другой пронзает дух у форточки вагонной.

И он твой лучший друг, и он не человек.

Он трогает стекло руками меховыми —

и на большой земле становится светло.

И на губах твоих написанное имя

слетает в пустоту как легкое крыло.

Заборы до небес прозрачные как полдень

в балтийских деревнях, увиденных во сне,

куда ушел и я отчаянно свободен.

И каждый человек соскучился по мне.

Приветствую тебя отзывчивый учитель.

Ты научил молчать и думать про огонь.

Я с твоего плеча примерил черный китель,

и приложил к груди неверную ладонь.

ГЛУХОНЕМЫЕ ЯРМАРКИ

1.

Помнишь, как китайцы пересыпали лед
ранним утром? Он стучал по днищу
их короба и отзывался эхом в горах Катскилла.
Мы рвали вишни в ничейных садах,
слушали соловья.
Его песни были похожи на брагу.
В индейском дыму я поднимаюсь над бездной.
Любая моя дорога как водопад.
Бегут по краям шоссе
бесшумные ярмарки глухонемые.

2.

Старый бендеровец плачет, упав головой
на скатерть.
И прокликает отчизну.
Яблоки окаменели.
На дощатой стене сарая пляшут лохматые тени.
Карлос Сантана играет на школьном балу.
У нас по-прежнему нет детей,
и мы нянчимся друг с другом.
Прежний ужас нельзя включить, как настольную лампу.
И все же он повторяется через каждые семь лет.

3.

Медвежонок бежит наутек, испугавшись коровы.
Воротами крепостными закрывается лес.
Скрип петель созвучен скрипу уключин
лодки, идущей в холодный туман

вслед колесному пароходу.
Кукушка в Америке — не моя кукушка.
Дышать становится тяжелее. И потом
в душе что-то лопается, словно бычий пузырь...
Я могу попросить прощения даже у школьных подруг.
Даже у мертвых.

ТРАУРНЫЙ МАРШ

(из «Имперского романсеро»)

Мы так любили похоронный марш:
в густой метели глохнущие скрипки,
бой барабана, плач большой трубы.
И на проспектах многолюдный гул.
Кареты едут. В них сидят цари.
Они свежи на нынешнем морозе.
Не дышат, молодея на глазах,
в гробах хрустальных мертвые царевны.
И так красиво музыка играет...
Мне хочется, чтоб это длилась вечно.
Когда-нибудь и ты меня попросишь,
мой маленький, мой преданный сынок,
взять в руки бестолковую волейку
и наиграть трагический мотив.
Мы ждем его как дерево весны,
как девушка, что ждет солдата с фронта,
как ждет солома жаркого огня.
Скажи, дружок, когда придет мой поезд.
Когда народы выбегут из дома
и побредут за пышным катафалком
и глотку улиц розами забьют?

ПЕТЕРБУРГ

(из «Имперского романсера»)

В литых сосульках спит больная ртуть,
за сутки, не поднявшись ни на градус,
ты покидаешь безутешный город,
который был не в силах обмануть.

Горят на солнце крупы лошадей
сырым огнем соснового распила.
Возница неуместен как могила,
разрытая на глади площадей.

Я водку пил, сойдя в полуподвал.
Я прижимался к бедрам потаскухи.
Я убеждал себя не верить в слухи,
что адъютант тебя поцеловал.

И сколько можно вывески читать,
и замирать под взглядом манекена.
Во всем есть правда, и во всем — подмена,
что жалкой правде сделалась подстать.

Меня пугали люди на мосту.
Я чувствовал, у каждого есть сердце.
Под шубой — окровавленная дверца.
И синий пар, клубящийся во рту.

АРБУЗЫ

Каждый художник — с отрезанным ухом.
Ухо отрезано. Сам небрит.
Если на миг ослабеешь духом,
то сразу станешь совсем забыт.

Бросит жена — заведи собаку.
Пару собак. Чтобы прозапас.
Если случайно полезешь в драку,
попробуй профиль сложить в анфас.

С грузовика — продают арбузы.
Грузчики пляшут. Звучит гобой.
Если уловишь дыханье музыки
больше не будешь самим собой.

Мы не послушались астронома,
кричавшего, — к нам прилетит болид.
Где наш Содом? Больше нет Содома.
Руки дрожат. Голова болит.

Город сторел тополиным пухом.
Курит чинарики архимандрит.
Каждый певец обладает слухом.
У каждого в землю талант зарыт.

ГАЛИЦИЯ

Нету выбора в хлипком таборе,
с горя скрипка стремится за море.
Мы с тобой становились старыми,
до рассвета стояли в тамбуре.

Отражались друг в друге лицами
как зияния над божницами,
под русинской звездой в Галиции
свои судьбы вязали спицами.

Говорить мне покуда нечего,
кроме глупого человеческого,
коли сдуру услышал речь Его
и возвысился опрометчиво.

Мы кормились зеленой ягодой,
вспоминая прожилки яблока.
Ты была мне любимой ябедой,
сиротой на груди у бабника.

Нас сырые стога с оглоблями
звали в гости немыми воплями,
чтоб сложить в эту землю голыми
и укрыть ледяными волнами.

ВОЙНА

Рубахи сотканы и сшиты
за день один и ночь одну
в них наряжаются бандиты
и молча скачут на войну

вдогонку свадебным кортежам
в галоп летит лесной пожар
пока мы будущее нежим
прижав к груди свинцовый шар

и белых бабочек движенье
слепит глаза как первый снег
и это головокруженье
сквозит нашатырем аптек

и стук телеги слышен в полночь
гремя из каждого угла
еще немного — и на помощь
нас позовут колокола

ты прислоняешь ухо к стенке
вникая в шорох тихих пуль
и Карлик Нос снимают пенки
у огнедышащих кастрюль

и оживает волк из глины
и злобным тенором поёт
мнет в огородах георгины
и воду из могилы пьёт.

НОЧЬ

Я сосчитал отравленных лисиц
бродя всю ночь
босиком по застывшему саду,
бережно вынимая из пасти у каждой
синие кубики льда.

Корабли увядали как цветы.
Поскрипывали перила.
Вещь во тьме приходящая
манила меня
как оставленная родина.

Каким бы ни был твой путь
однажды запнешься
о ступок тьмы,
окаменевшей к рассвету.